

ВОПРОСЫ СТАЛИНИЗМА

Выступления участников конференции «Вождь и народ». Часть одиннадцатая

СТАЛИН БЫЛ словоцентричным человеком. Даже сталинские хулиги, если потрудятся проявить хоть какую-то объективность, признают его книгоцеем, в чьей обширной личной библиотеке тома испещрены подчёркиваниями и заметками на полях. Невозможно отрицать в Сталине знатока современной ему художественной литературы и полиплота, в юности писавшего стихи на грузинском, владевшего после учёбы в духовной семинарии древнегреческим, латынью и церковнославянским, а позднее при необходимости общавшегося с иностранцами на немецком без переводчика.

Ста́ты, речи, ответы на письма Сталин писал всегда сам. Иногда привлекал для консультации специалистов в нужных областях, но никогда не обращался к тем, кого бы сейчас назвали "спичрайтерами". Устный и письменный язык Сталина конкретен, чётко, меток. Не метафоричен, но афористичен. Достаточно вспомнить его расхожие выражения: "Хорошая жизнь даром не даётся"; "Идея сильнее оружия"; "Кадры решают всё!"; "Я не грузин, я русский грузинского происхождения!"; "Победа никогда не приходит сама — её обычно притакаивают".

Русский язык был особым предметом размышлений Сталина: он осознавал историческое значение русского языка, его бытийную глубину и выразительные возможности, чувствовал огромную государственную ответственность перед ним. Русский язык постоянно требовал осмысления, сбережения, создания научных институтов и творческих союзов.

Несправедливо будет утверждать, что Сталин стремился прослыть лингвистом. Единственная его работа, посвящённая сугубо языку, — "Марксизм и вопросы языкознания" — была написана после обращения к Сталину группы лингвистов-академиков по поводу ситуации, сложившейся в советском языкознании за время тридцатилетнего засилья так называемого нового учения о языке Н.Я. Марра, подавшего все иные воззрения на язык.

Тогда, в 1950 году, Сталин инициировал в газете "Правда" научное обсуждение "марксизма", предоставив слово и его критикам, и его апологетам. Сталин и сам в определённый момент выступил в этой дискуссии, предварительно глубоко погрузившись в суть вопроса. Вождь понимал, что не удивит профессиональных лингвистов своими суждениями. В начале своей статьи он сразу сделал оговорку, что "не языковед" и рассуждать о языке может лишь с тех марксистских позиций, с каких рассуждает в других гуманитарных дисциплинах. Но при этом Сталин осознавал, что в данном случае важно не то сказано, а кем сказано, что он берёт на себя роль своеобразного третейского судьи, хоть и открыто критикует марризм по ряду позиций. Но всё же слово Сталина в первую очередь оказалось выражением государственной позиции по вопросам языка.

И тем не менее его работа "Марксизм и вопросы языкознания" вызвала тогда восторженный отклик в научной среде. Например, В.В. Виноградов и Р.И. Аванесов говорили о рождении особого "сталинского языкознания", о том, что "И.В. Сталин создал стройную теорию марксистского общего языкознания". Причина такого восторга не в стремлении получить какие-либо преференции, угодить вожде, а в том, что публикация сталинской работы развивала лингвистам руки: дала возможность вновь заниматься историей языка, сравнительным языкознанием, заступилась за древолюбивое филологическое наследие, за всё то, что тридцать лет изживалось Марром и его горячими последователями.

НО СЕГОДНЯ, говоря о сталинском языкознании, важно не столько проследить эволюцию суждений Сталина о языке или проанализировать его ключевую лингвистическую работу, сколько взять на вооружение опыт той эпохи, в которую государственный лидер был по-настоящему озабочен проблемами языка. Той эпохи, когда существовала выверенная государственная языковая политика, государственная воля в решении языковых вопросов, когда язык формировал образ будущего.

Теперь этот опыт особенно ценен, потому что мы оказались в схожей исторической ситуации. Какие бы параллели ни напрашивались — с тридцатыми, сороковыми или пятидесятыми годами прошлого века, — очевидно, что мы возвращаемся на свой особый путь, возвращаемся к дер-

жавному строительству, восстанавливаем преемство со всеми победоносными эпохами, испытывая при этом небывалое внешнее давление, ведём военное противостояние, в котором вопрос защиты русского языка — ключевой.

Национальная языковая политика последних лет выразилась главным образом в создании Федерального института родных языков народов Российской Федерации и во внедрении в школу предмета "родной язык". Но эти безусловные благие начинания не имеют какой-либо сверхзадачи и поступательной стратегии. Что именно мы хотим сделать сегодня для национальных языков? Как сохранить их? В чём укрепить? Что для этого сохранения сейчас важнее: составлять словари, собирать фольклор, делать переводы? Учёные и педагоги в растерянности. В итоге большинство мероприятий сводится к этнокультурным праздникам, а преподавание родного языка, если это не национальные республики, лишь даёт дополнительные часы на изучение русского языка.

В сталинскую пору для национальных языков создавались алфавиты, составлялись грамматики, писались учебные пособия. Прежде устные языки обретали кодифицированные нормы, что во многом их и сберегло. Но с течением времени именно Сталиным было осознано главное — государствообразующая роль русского языка, необходимость языкового централизма.

В 1918 году народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин говорил: "Никакого обязательного "государственного" языка — ни в судопроизводстве, ни в школе. Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причём соблюдается полное равенство языков как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях". Через двадцать лет, уже генсеком, он инициирует постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров от 13 марта 1938 года "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей".

В предвоенную пору русский язык способствовал национальному цементированию, стал общесоветским культурным кодом. Сталин, неразрывно связывавший язык и мышление, стремился к единому мировосприятию народа через язык. Для единения необходимо было, чтобы слова "родина", "дом", "отечество", "мать", "победа" были вняты всем.

Необходима была культурная экспансия русского языка среди коренных народов России, среди народов советских республик, а затем среди дружественных стран всего мира. Неслучайно именно в сталинское правление небывалой высоты достигла наша школа поэтического перевода. Николай Заболоцкий в 1950-е писал: "Советская школа поэтического перевода ныне широко признана не только у нас, но и за рубежом. Можно сказать без преувеличения, что ни одна страна не знала и не знает такого расцвета переводческого дела, какой наблюдается у нас. Теперь мы имеем много талантливых поэтов-переводчиков, у нас есть опыт и основы теории". Весь поэтический мир тогда желал быть причастен русскому слову, хотел прозвучать на русском языке.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ и онтологическим прозрением Сталина была остановка в 1934 году латинизации при создании национальных алфавитов. Ещё в XIX веке филолог и миссионер Н.И. Ильминский говорил, что алфавит — это первое, что знаменует религиозную и культурную связь народов. Алфавит — первый визуальный вербовщик от той или иной культуры.

Отсюда так агрессивно нынешнее стремление наших врагов насадить латиницу на постсоветском пространстве. Отсюда так навязчиво её присутствие в нашей повседневности: в наружной рекламе, на банковских картах, в интернет-пространстве. В этом смысле вербовка букв В и Z как главных символов спецоперации стала нашим контрударом.

Для Сталина укрепление и распространение кириллицы было не просто залогом культурного суверенитета, но и сохранением сакральности русского языка, его преемства в письменности от святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Важно было остаться носителями их заветов "глаголь добро" и "рыцы слово твёрдо".

Ненавязчиво, но планомерно Сталин противостоял и иностранным заимствованиям. Известно его письмо от 1925 года

"Всем членам редакции "Комсомольской правды": "Хорошо было бы упростить стиль статей в "Комсомольской правде", обязать сотрудников писать по-простому, короткими фразами, по возможности без иностранных терминов, так, как умел это делать Ильич. В крайнем случае можно было бы, опять-таки в виде приложения к "Комсомольской правде", дать маленький словарь иностранных слов, или, по крайней мере, в тексте статей давать соответствующие объяснения, если уже нельзя обойтись без иностранных слов".

С учётом нынешней перенасыщенности русского языка иностранными словами весьма своевременны законодательные меры по регулированию употребления иностранных слов в официальной сфере. Нужно sobотии принцип "разумной достаточности" и, не насиливая русский язык, позволить ему сохранить лишь то количество иностранных слов, которое он способен воспринять, заставив жить их по своим правилам.

Быть может, Сталин включился в дискуссию по поводу марксизма лично именно оттого, что увидел в нём угрозу сакральности языка. Отрицавший традиционные языковые семьи, Марр оставлял русский без братьев и пращуров, обрекал на сиротство, убивал его родовую память. Занявший все свои руководящие посты в науке как безоглядный марксист, Марр в итоге свёл язык к надстройке, посчитал его рудиментом и даже объявил, что в будущем человек создаст не только всеобщий универсальный язык, но сможет выражать мысли без помощи языка.

Несмотря на якобы марксистскую парадигму, всё это напоминает структуралистское, глобалистское отношение к языку, когда через него уже не должны рождаться национальные образы мира и тончайшие оттенки смыслов. Язык остаётся лишь инструментом нейролингвистического программирования или поводом для постмодернистской игры.

Марровское профанирование языка Сталин принять не мог. В "Марксизме и вопросах языкознания" он постоянно подчёркивает преемство исторических корней в русском языке, его консервативность, самобытность, надклассовую сущность: "русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота". "Язык рождён... всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков", что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперёд и совершенствоваться по внутренним законам своего развития".

Сталинская сакрализация русского языка — это продолжение его единой временной оси, убеждённости в том, что отречение от родного языка приведёт лишь к потере исторического времени. Это сбережение не просто базового словарного состава, но корней языка "как его ядра", что "живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов".

По той же причине Сталин реабилитировал диалектологию, сказав, что "некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки". В пору Ликбеза диалекты были провозглашены проявлением "народной темноты", деревенского косноязычия, не заслуживающего научного изучения. В сталинскую пору, напротив, всякий диалект — голос из прошлого, звучащее свидетельство минувших веков, когда ещё не было звукозаписывающих устройств. Диалекты — особые приметы языка в прошлом, сбережённые подобно тому, как в облике потомков сберегаются черты предков.

Наверное, только ленивый антисталинист не прозубоскалил по поводу мысли вождя о происхождении русского языка от "курско-орловского диалекта". Дополнением не известно, что породило эти слова: оговорка, неверное восприятие чьей-то чужой мысли или что-то ещё. К сожалению, этому, в сущности, пустяку, высказанному в скобках, в одной фразе, исследователей посвящено гораздо больше, чем всему, что было сделано при Сталине в диалектологии.

Важно напомнить, что в 1935 году началась работа по составлению "Диалектологического атласа русских народных говоров" — сотни преподавателей и студентов по всей стране собирали для него материал, организовывали многочисленные экспедиции. В 1945 году была запущена

"Программа собрания сведений для "Диалектологического атласа русского языка". После войны среди сожжённых, надорванных трудом сёл и деревень стало особенно важно и дорого сберечь каждое слово, каждый звук живой русской речи.

ПИСЬМЕННОСТЬ, корни слов, диалекты — всё это обращение к священной русской истории, соотносимое с восстановлением патриаршества и с фильмами об Александре Невском и Иване Грозном. Всё это — драгоценный материал державного строительства. А ещё — язык писателей. "Современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина", — скажет Сталин в 1950 году. А до того, в 1937-м, на государственном уровне, всенародно отпразднуют 100-летний день памяти Пушкина. Пушкин станет главным советским поэтом. Советская пушкинистика сделает множество открытий. Поэт соединит собой империку и советскую эпохи России. Все вновь станут пушкинцентричны, пушкиноязычны.

Язык Пушкина и других русских классиков требовал осмысления. Особой отраслью в русистике стало исследование языка художественной литературы. Над изучением самобытных писательских стилей трудились целые отделы Института русского языка, созданного в 1944 году. Не только у филологов, но и у простых читателей вызвали подлинный интерес работы В.В. Виноградова "Язык Пушкина" (1935), "Стиль прозы Лермонтова" (1941). Художественная литература была воспринята как лаборатория языка, писатель — как носитель чуткого слуха, способного уловить каждый отзвук русского слова. Писатель уподоблялся золотодобытчику, которому ведомы золотые жилы ещё неоткрытых возможностей языка.

Именно сталинская эпоха оживила язык после нескольких лет революционного новояза, грозившего сделать русский язык сухим, казённым, номенклатурным. Вечной музыке русского языка в таких рамках оказалось тесно. Сталинской эпохе важно было писательское многоязычие, писательское разноречие, дорогá была интонация и Маяковского, и Шолохова, и Твардовского, и Платонова, и Булгакова...

Сегодня на государственном уровне утрачено понимание роли писателя, создающего язык. Пожалуй, только в национальных республиках продолжают осознавать, что любой народ жив, пока жив его язык, а язык, какое бы ни было на нём наследие в прошлом, нуждается в слове современного писателя, в постижении этого слова. У нас до сих пор как следует не изучен лингвистический язык Бондарева, Распутина, Белова, Шукшина, Трифонова, Солухина, Личуткина, Крупина, Проханова... Всё, что звучит в отдельных диссертациях и на камерных конференциях, требует обстоятельного, масштабного продолжения на уровне целых исследовательских институтов, требует должной огласки и популяризации, требует обсуждения в университетах и преподавания в школах.

РАСТЕРЯВШИЕСЯ после введения ЕГЭ и до сих пор не пришедшие в себя учителя не могут понять, ради чего они теперь преподают школьникам русский язык. Ради того, чтобы ученики набрали необходимое количество баллов на экзамене? Или ради того, чтобы они вперемешку с пиктографиями высказывали свои небогатые мысли в соцсетях и мессенджерах?

В сталинскую эпоху такое учительское понимание было. С самого первого класса. Вот слова из "Методического руководства к букварю" А.И. Воскресенской (1948): "Любовь к труду, участие в труде взрослых, уважение к старшим, любовь к знанию, дружба и товарищество, любовь к Родине и великим людям нашей Родины, любовь к родной природе — вот тематика нашего букваря". А ещё ум, чуткость, ответственность, собранность — всё, без чего невозможен достойный человек.

На преподавание русского языка тогда бросались все силы. Всё устремлялось к русскому языку в школе: учительский труд, академическая наука, литературное творчество, наследие предков. Всё ради прекрасного человека. Ради могучего Отечества — главный итог сталинской языковой политики.

Теперь, восприняв этот опыт, мы можем приумножить и утвердить его, сказав открыто о том, о чём Сталин говорил потаённо, будто прибегая главное на следующее десятилетие своего правления, которого ему не было дано.

В "Марксизме и вопросах языкознания" Сталин словно не проговаривает самого желанного слова. Язык, по Сталину, не надстройка, не базис и даже не орудие мысли. Это нечто надвременное, сверхсоциальное и сверхполитическое, что явно неизъяснимо в категориях марксизма. "Язык — это открытие" — хочется прочесть между сталинских строк.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ВЕЩАЯ КНИГА

Эпопея Степана Тюшкевича о войне и о будущем

ПЕРЕДО МНОЙ лежит книга профессора Степана Андреевича Тюшкевича "Поворот всемирной истории. Опыт великой Победы над фашизмом". Эта книга великопелена. Драгоценность её в том, что её написал фронтовик, прошедший войну и знающий, что такое окопы, что такое атака, что такое погребение убитых товарищей и триумф алого знамени. Эта книга драгоценна тем, что её написал историк, который скрупулёзно, по крохам, по малым осколкам собирает эту огромную, грандиозную эпопею и создаёт из неё несомненное историческое целое. Эта книга драгоценна тем, что её написал профессор, человек, понимающий философию истории, понимающий метафизику этой необычайной войны и Победы. Рассказывающий нам, что эта война — воплощение целого мироздания, огромной мировой эры. И эта книга драгоценна ещё тем, что её написал доложитель — её автору сто шесть лет. Он живёт для того, чтобы донести до нашего времени своё нарастающее понимание, смысл открывшейся ему эпопеи. Эта книга превосходит все прежние книги о войне, ибо те книги написаны замечательными людьми, но не дожившими до своего столетия и не успевшими собрать в себе огромный пучок представлений и знаний о мире.

Великопелена в книге глава о генералиссимусе Сталине, где отдаётся должное нашему мистическому полководцу. Рассказы о битвах — Московской, Сталинградской — это отдельные гимны, отдельные мозаичные эпопеи.

Читая книгу, понимаешь, что война — это священное деяние великого советского народа, в котором воплотился грандиозная советская сталинская мечта о новом человеке, о новом человечестве. И эта мечта была добыта советскими людьми через великие страдания, великие потяряния, через великие свершения.

Как хорошо, что эта книга лежит у меня на столе, и я могу прижать её к своему сердцу.

Александр ПРОХАНОВ

НАРОДНЫЙ СТРОЙ

К чему стремился Великий кормчий

ПО ДАННЫМ исследований ВЦИОМ и "Левада-Центра", Сталин занял первое место в рейтинге выдающихся личностей в истории. Лидеры ресталинизации (48%) — молодые люди от 26 и до 40 лет, 14% — молодёжь от 14 до 26 лет.

Думаю, популярности Сталина будет и дальше расти. С чем связано такое внимание со знаком "плюс" к советскому прошлому и лично к Сталину? Здесь несколько факторов: сталинская эпоха была эпохой достижений; сталинская эпоха была эпохой жестокой, но это был народный социализм; сталинская эпоха дала людям по-настоящему работающие социальные лифты. Советский Союз был сверхдержавой, он восстановился всего лишь за 10 лет после окончания Великой Отечественной войны. Хотя на Западе нам пророчили 20—25 лет. И произошло это в последние годы жизни Сталина.

Тогда некоторые говорили, мол, в последние годы жизни Сталин "совсем сошёл с ума", "стал параноиком". Но это не так. Он действительно ошибался, потому что у него осенью 1945 года случилось не то инсульт, не то инфаркт, давал знать о себе возраст — он действительно с 1945 по 1953 год допустил ряд серьёзных ошибок во внешней и внутренней политике, и тем не менее, плось перевешивает минусы. Страна именно под его руководством встала на ноги. Если вспомнить период с 1917 по 1937 год — за 20 лет страна вышла на второе место в мире как военно-промышленная держава.

А что у нас произошло за 20 лет после 1991 года? Съехали вниз — стали сырьевым придатком Запада.

Удары по Сталину — это удары по СССР. И — шире и глубже — по всей русской истории. Недаром "хромой бес перестройки" Яковлев говорил, что своей перестройкой они ломали не только СССР и коммунизм, но и тысячелетнюю модель русской истории.

Что является негативом в наши дни — это колоссальное социальное неравенство, рост преступности, по сути, неработающие социальные лифты. Что очень важно — уже почти четверть века на советскую историю и на Сталина льётся грязь — но грязь эта не прилипает. То есть всё получается так, как сказал Сталин (он сказал это несколько раз в беседе с Коллонтай и в беседе с Шагинян): на нашу эпоху и на меня лично, и на мою могилу нанесут много грязи, но ветер истории всё это развеет. Как сказал де Голль: "Сталин не ушёл в прошлое — он растворился в будущем". Поэтому оценка Сталина — это оценка нынешнему устройству России с противоположным знаком.

Нельзя сказать, что федеральные СМИ активно поддерживают образ Сталина. Другое дело, что тональность изменилась — льётся меньше грязи, появляются в федеральных СМИ более-менее позитивные материалы. Но это — реакция на изменения в обществе. Это следствие. СМИ вынуждены это делать. Тем более, что и международная обстановка подталкивает к этому.

Андрей ФУРСОВ

* Иностраный агент

Война — суровый экзамен для страны. Многие определяют техника, экономика, логистика. Однако решающим фактором являются люди. Именно они воюют и защищают Отечество. И решают всё не только выучка, квалификация, опыт солдат и офицеров, но и их душевный настрой. Цена вопроса огромна. Война решает, быть или не быть России и каждому из нас.

В ЭТОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ, определяющей судьбу, многие ищут поддержки в вере. Это прекрасно понимали полководцы России. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов говорил: "Молись Богу — от Него победа. Бог — наш генерал, Он нас и водит". И ни одной битвы он не начинал без молитвы. Обращение к высшим силам, к тому, что выше отленной жизни, даёт ощущение единства части народа, осознающей, что пришла время защищать Родину.

Остро почувствовал это в своей родной Башкирии. Уфимский моторостроительный завод, делающий двигатели для самолётов, создавался в годы Великой Отечественной войны после перевода в Уфу предприятия из Рыбинска. Завод сыграл огромную роль в те военные годы. Сталин говорил в январе 1941 года: "Современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощности". Он оказался прав.

Уфимский моторный завод набирает на работу тысячи людей, даёт им необходимую квалификацию, начинает функционировать в три смены. Вернувшиеся из зоны Специальной военной операции благодарят руководство республики за оказываемую всестороннюю помощь, в том числе за снабжение продовольствием.

Раньше в моей родной 62-й школе висели портреты пионеров-героев. Сейчас мы возвращаемся к тому же: в каждом классе есть "парта героя" с его портретом и биографией. На таких партах разрешают сидеть одному из лучших учеников. Республика начинает активно работать на Победу.

НЕДАВНО ПОД САМАРОЙ прошёл славяние на полигоне и был направлен на фронт полк "Башкортостан". Впечатляет полигон, где "учится военному делу настоящим образом", как говорил Ленин. Кажется, что там всё время стреляют из всех видов оружия.

Велика среди бойцов добровольческого полка доля тех, чей возраст от 50 до 60 лет. Очевидно, в советские времена лучше объясняли, что есть такая профессия — Родину защищать.

Когда смотришь на идущие со знамёнами, отличным строевым шагом под музыку "Прощание славянки" батальоны, которые вскоре окажутся на фронте, под огнём,

ПОБЕДА — ОТ БОГА

На войне атеистов не бывает

совершенно иначе понимаешь масштаб идущей войны. На фронте сейчас довольно часто говорят: "Если с нами Бог, то кто против нас!?" Полк наступаловали и ждали ему вернуться с победой имам Хамаз-хазрат Хафизов и отец Виктор Иванов. Отец Виктор в прошлом десантник. В течение многих лет он вёл секцию по спортивным единоборствам для школьников — мужчины должны уметь себя защищать. Он настоятель небольшого храма, в который переделали бывшую станцию водоснабжения в районе Уфы, называемом Черниковкой. Влияние этого человека на духовную сферу республики оказалось очень большим. Одна из моих одноклассниц стала прихожанкой этого храма. Слушаю её и удивляюсь тому, как сильно вера может изменить мировоззрение.

После обращения имама тысячи человек крикнули: "Аллах акбар!" После речи и наставлений отца Виктора и слов: "Христос воскрес!" те же тысячи добровольцев отозвались: "Воистину воскрес!" Если Бог един, то, наверное, не очень важно, как его называют.

Видно, те же слова говорят представители языческой религии майяского народа. На шевронах, которые пришивают на форму представители этой веры, призыв к Великому Белому Богу слasti и сохранить.

Мулты ряда мечетей говорят, что за время войны число прихожанок у них возросло на треть. Это матери, жёны, сёстры погибших и близкие тех, кто воюет. Кажется, что битва идёт не только на земле, но и в небесах.

Удивительное переплетение судеб: представители организации "Птица жизни", связанные с Обществом сознания Кришны с центром в Индии, работают в Запорожье. Традиционным мифом украинской пропаганды являются рассказы о "самообстреле" российскими войсками мирных городов — нашей собственной территории. Информационная война бескомпромиссна — эти взгляды были распространены в индийской аудитории. Российские кришнаиты, работавшие в Запорожье, привезли в Индию обломки ракет HIMARS и расчёты специалисты, показывающие, кто и откуда стрелял. Они убедили собравшее по вере в правоте России, и общественное мнение в Индии начало меняться.

Это не первая, да, наверное, и не последняя война, в которой участвует Россия. Участники войны в Сирии рассказали мне такую историю. Русский офицер и сириец

были в разведке и наводили огонь на цели противника. Но когда пришла пора возвращаться, то выяснилось, что подразделения, в которые они должны были прийти, на своём месте уже нет. И офицер обратился к сирийцу: "У нас 15 минут, чтобы помолиться Богу, а потом мы вызовем огонь на себя". "Какому Богу?" — "Ты своему, а я своему". Помолвились. Вызвали огонь. Первый залп их не достал, но поднял тучу песка и пыли, которая в конце концов помогла выбраться из этой передряги. "Надо было всёмо доложить, и нас наградят", — заявил сириец. "Об этом никому не надо рассказывать. Бог нас уже наградил — мы живы!" — отвечал офицер — "А какой Бог? Твой или мой?" — "Нет разницы. Тот, который нас услышал, тот и наградит".

СЕЙЧАС ВСЁ ЧАЩЕ говорят о традиционных ценностях, лежащих в основе нашей цивилизации и не слишком изменившихся за тысячелетия. История проявляла их на крутых поворотах. Здесь есть что вспомнить.

Кодекс русского офицера, принятый в 1804 году, завершался словами: "Душа — Богу, сердце — женщине, долг — Отечеству, честь — никому!".

Сталин обратился 3 июля 1941 года к народу не только как руководителю сверхдержавы, но, скорее, как священник, говорящий с прихожанами, и обращался к главному: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!... Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага? Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю публичную опасность, которая угрожает нашей стране, и отстрелились от благодушия, от беспечности, от настроения мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага".

Если с нами Бог, то кто против нас?!

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ